БОЛДЫРЕВ А. Н.

«СЕМЬ ВТОРЯЩИХ»

(к истории одного арабо-персидского
стихovedческого термина)

Исследователи текстов Абдаррахмана Джами́ Е. Э. Бертельс и А. Афсахзод — первый издатель всех трех его лирических диванов отметили три стихотворения Джами в форме кыт'а («отрезок, фрагмент»), в которых Джами энергично порицает небрежных и недобросовестных переписчиков его стихотворений за грубое искажение текста [1; 2, с. 16]. К этим трем кыт'а можно присоединить и четвертый «отрезок», видимо, не замеченный издателем и оставленный им без перевода, как, впрочем, лишены перевода и три предыдущих кыт'а. Даю перевод четвертого «отрезка»:

1. В саду Слова птица таланта моего большей частью
В семи бейтах ведет наневы и проверяет рифму.
2. В «Семи красавицах» казначея из Гянджи каждая газель
Образец смысла, в котором спрятано сто сокровищ.
3. Коль скоро из бейта в бейт все семь двухстишны,
Не гневайся, если назовут их «семь вторящих»¹.
4. Пусть из семи членов [тела] на одия или два будет

меньше у того,

Кто из моих семи бейтов напишет [только] шесть или

пять².

В этом четвертом «отрезке» (последний бейт) идет речь о произвольном сокращении недобросовестными писцами числа бейтов в газелях Джами, т. е. о нарушении семибейтной их структуры, которой Джами, как видно, придавал особое значение.

Другими словами, Джами хочет сказать, что излюбленная им семибейтная структура его газелей определяется примером «казначея из Гянджи», т. е. Низами́, чья поэма «Семь красавиц» состоит из семи прекрасных «газелей» (т. е. из семи любовных повестей о царе Бехраме и семи его возлюбленных царевнах, причем с каждой царевной связан определенный цвет, определенный день недели и определенная планета-покровительница). Заметим, что здесь слово *газель* представлено в своем первом, широком смысле, т. е. всякий любовный сюжет, всякая поэтическая форма любовного содержания³. Коль скоро, продолжает Джами, все семь бейтов «газелей» Низами имеют по паре [рифмующих] полустийши (*мисра'*), не следует негодовать, если их назовут «семь вторящих» (*саб' маcānī*). Последние слова являются цитатой из Корана, где они образуют сочетание *саб'ан мин аль-маcānī*, встречающееся всего один раз (су́ра 15, аят 87) и принадлежащее к числу неясных, по-разному толкуемых коранических выражений. Согласно одному из толкований, а его, как будет показано ниже, видимо, придерживался и Джами, этими словами обозначается первая сура аль-Фатиха («Открывающая»). Слова «не гневайся», очевидно,

¹ С точки зрения персидского словообразования возможен здесь и композит «семиповторные» в адъективно-субъективном значении.

² Текст фрагмента см. [2, с. 583, № 31]. Размер муджтасс. В опубликованном русском стихотворном переводе В. Державина смысл стихотворения совершенно искажен. См. [3].

³ Так начинается определение понятия *газель* («газель») во всех персоязычных поэтиках. Ср. значение *gazel* в турецком глагольном словосочетании *gazel okumak* в) расказывать байки (сказки, небылицы)... [4].

обращены к читателям, религиозное чувство которых могло бы быть оскорблено кощунственным применением (в качестве высшей похвалы) этих священных слов к светской (или суфийской) любовной лирике Джами.

В переводе Г. С. Саблукова *саб'ан мин аль-маṣānī* — это «семь повторяемых стихов» (весь контекст аята 87: «Мы дали тебе семь повторяемых стихов и великое чтение»), без дальнейшего уточнения; в переводе И. Ю. Крачковского — это «семь повторяемых» (весь контекст аята: «И Мы дали тебе семь повторяемых и великий Коран») с подробным примечанием, в котором дана сводка важнейших толкований: «[„Семь повторяемых,“ может означать:] семь стихов ал-Фātiхи; семь больших сур... «многое из „обоих“ (— иудейского и христианского откровений) и др...» (с. 554, примеч. 40).

В более новом немецком комментированном переводе Корана Р. Парета также дается сводка различных толкований загадочных слов, со следующим выводом: «Для комментаторов Корана на первом месте стоят два объяснения. Согласно одному, под семью „масани“ имеются в виду семь самых длинных сур (сура 2 и т. д.), по другому — семь аятов первой суры». Однако Р. Парет отдает предпочтение еще одному толкованию, выдвинутому Хоровицем и Беллом, согласно которым под *маṣānī* имелись в виду «коранические рассказы, точнее рассказы о наказаниях, обрушившихся на древние народы. Число семь „масани“ определяется (в таком случае) семью наиболее часто встречающимися и подробными рассказами» [5, II⁴, с. 279, примеч.].

Такое толкование представляется несколько надуманным и, главное, лишенным лексического обоснования — ведь слово *маṣānī* и корень его *С-Н-Й* никак не связаны с семантикой понятий «сказ, повествование» и т. п.

Слово *маṣānī* встречается в Коране еще один раз, но уже без контекста с числительным семь: *Аллāху наззала ахсана-ль-хадīси китāбан муташāбихан маṣāнийя* ... (сура 39, аят 23). Перевод Г. С. Саблукова: «Бог ниспослал самое лучшее учение — писание с иносказательными, с повторяющимися чтениями...». Перевод И. Ю. Крачковского: «Аллах ниспослал лучший рассказ — книгу со сходными, повторяемыми частями...». Перевод Р. Парета: «Господь ниспослал лучшую [чем можно себе представить в качестве откровения благасть (хадис)], равномерно повторяющееся писание...». Примечание 30: «или же: „в распорядке частей равномерное писание“» [5, I, с. 383].

Легко заметить, что в обоих русских переводах и даже в одном из четырех толкований Парета четко отражается семантика (идея) повторения, имеющая прямую связь с корнем *С-Н-Й*, тогда как в трех других своих переводах Парет полностью пренебрегает исходным корневым значением слова, что и уводит его, как сказано выше, к беспочвенной, предположенной его предшественниками, глоссе «рассказы» и «рассказы о наказаниях» [5, II, с. 279].

Столь же необоснованным представляется и другое предложение Парета — понимать связанный с *маṣānī* эпитет *муташāбих* в приведенном аяте не в первоначальном, обычном значении «подобный, схожий» (как это видим у И. Ю. Крачковского), а как «равномерно повторяющийся; стереотип» или, вслед за Хоровицем, «равномерный в распределении частей», откуда даже «многозначный, неясный» (ср. в переводе Г. С. Саблукова: «иносказательные, повторяющиеся чтения»).

Дополнительный материал для более точного понимания рассматриваемого контекста дает его ранее (XI в.) персоязычное «тефсирное» толкование, в котором арабское слово *муташāбих* передано персидским *bā yak-digar mānān* (т. е. «похожие друг на друга»), а слово *маṣānī* передано персидским *dūgānī*, т. е. «повторный, вторящий»⁵.

⁴ Здесь же обширная литература вопроса. Перевод немецкого текста здесь и ниже мой.

⁵ Перевод Корана из Музея Парса неизвестного переводчика, издал д-р Али Реваги [6]. На это издание любезно указал мне М. Н. Боголюбов.

Вернемся к приведенному выше 3-му бейту стихотворения Джами, смысл которого таков: «Поскольку все „газели“ Низами состоят из парнорифмующих („двухмисрбых“) бейтов, то ежели назовут их *саб' маṣānī*, не гневайся (на такое кощунство, как применение священного прозвища аль-Фтаихи к светской поэзии)».

Видимо, можно не сомневаться в том, что для Джами, а он был одним из авторитетнейших богословов и комментаторов Корана для своего времени, слова *саб' маṣānī* означали суру аль-Фатиху. Остается выяснить, семикратная повторность каких именно элементов текста дает основание обозначать аль-Фатиху символом *саб' маṣānī*? Другими словами, что такое реально *саб' маṣānī*?

В аль-Фатихе, состоящей, как известно, из басмалы и семи стихов, повторяющимся элементом является только грамматическая рифма (окончание косвенного падежа мн. числа *-ūn*), стихоразделительно звучащая в конце басмалы и в конце 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го (с неполным чередованием *н/м*) и 7-го стихов. В итоге — семикратный повтор рифмующего элемента, особенно эмфатически звучащий в клаузуле при громогласной, проповеднической артикуляции аята. Именно эту силу эмоционального воздействия рифмы имеет, вероятно, в виду сам Мухаммад во второй, ранее опущенной нами при цитировании части аята 23 суры 39. Приводим этот аят целиком: «Аллах ниспослал лучший рассказ — книгу с сходными, повторяемыми частями, от которой съезживается кожа тех, которые боятся своего Господа, затем смягчается их кожа и сердце к упоминанию Аллаха. Это — путь Аллаха, ведет Он им, кого пожелает, а кого сбивает Аллах, тому нет водителя!» (перевод И. Ю. Крачковского; разрядка наша. — Б. А.)

Пользуясь полученными значениями, можно предложить следующий уточненный перевод второго коранического контекста со словосочетанием *саб' ан мин аль-маṣānī* (сура 15, аят 87): «И мы дали тебе семь [аятов] из [числа аятов с] повторяющимися (вторящими. — Б. А.) монорифмами и великий Коран»⁶.

В этой связи возникает вопрос: не продолжена ли тема рифмы в рифмованной прозе (*садж'*), излюбленной Мухаммадом, в непосредственно следующем за рассмотренным, т. е. в 88-м, аяте той же суры 15, гласящем: «Не простирай же своих глаз к тому, что Мы дали в пользование их п а р а м (*азвāджан мин-хум*) и не печалься за них и преклони крыло твое перед верующим» (перевод И. Ю. Крачковского; разрядка наша. — Б. А.). В переводе Г. С. Саблукова *азвāдж* — с е м е й с т в а, что, как видим, не принято во внимание И. Ю. Крачковским, вероятно, ввиду полного несоответствия смыслу подлинника. Столь же неудачно понимание Парета: «Некоторым из вас (*einzelnen von ihnen*)» или в другом его варианте: «группе (*einer Gruppe*)» [5, I, с. 215].

Однако в Коране *азвāдж* (мн. ч. от *завдж*) не раз встречается в значении «пáры». В то же время причастие VIII породы от этого же корня *муздавадж* — «парный, спаренный» как термин поэтики синонимичен термину *маṣна'ī* («месневи») в значении парнорифмующий (по полустилиям бейта) стих. Воспринимая аят 88 как непосредственное продолжение аята 87 и подставляя стиховедческие и контекстные значения, получаем: «(87). И мы дали тебе семь [аятов] из [числа аятов с] повторяющимися монорифмами и великий Коран. (88). Не заглядывайся на то, что мы дали из них в пользование парнорифмующими стихами и не тужи о них и заботься о верующих».

Другими словами, не исключено, что в аяте 88 выражено предостережение верующим от излишнего увлечения такими фундаментальными действенными средствами художественной изобразительности, как саджевая рифмовка речи, которая должна оставаться прерогативой вероучителя Мухаммада.

⁶ Т. е. «дали тебе аль-Фатиху и Коран». Персидский перевод этого аята, к сожалению, не сохранился.

Опосредованная связь семантики *масъанӣ* с рифменно-метрическим аспектом слова проявляется, на наш взгляд, и в таких — разумеется, позднейших, словарных значениях слова *масъанӣ*, зарегистрированных лексикографами, как, например, «двустишие» (*distique*) у Дози [7] или «Мелодия или род мелодии, который у персов называется *дубайтӣ*»⁷.

Как известно, дубайти — четверостишие монорим, т. е. с «вторящими» (*масъанӣ*) окончаниями в трех и даже четырех строках. И если в современном арабском литературном языке *аль-масъанӣ* обобщающе означает «стихи Корана», то в этом значении фиксирован весь путь развития понятия «стих» от эмбрионального его состояния в виде вторящих созвучий саджа до высокоразвитой рифменно-метрической структуры современной поэзии. Соответственным образом, коренное значение древнего термина *масъанӣ* обретает неожиданную близость к современному определению рифмы, как всякого звукового повтора, несущего организующую функцию в стихе.

Однако не «семь [из числа] вторящих», т. е. не семирифменная структура священной аль-Фатихи послужила образцом для Джами при выборе оптимальной семибейтовой структуры его газелей, а семичастное построение «газельной» поэмы «Семь красавиц» его великого предшественника «казначей из Гянджи» Низами. В этой связи особый интерес приобретают слова Низами о причинах, побудивших его придать своей поэме именно семичастное построение. Приводим филологический перевод соответствующих строк из вступительной части поэмы [9]:

Обитель сего писания, подобного Зенду магов,
Для того украсил я семью невестами,
Чтобы невесты неба, когда
На моих невест взглянут,
От соукрашенности и общности
Каждая бы своей оказала помощь.
Ведь когда семь линий сойдутся
На грамоте дела, образуется точка [счастья].

Как авторитетно разъясняет издатель поэмы В. Дастгардӣ, семь невест неба — это семь планет, покровительство которых принесет, по мысли Низами, удачу каждой из семи новелл поэмы, так же как схождение семи линий в древнем гадании «рамль» образует точку счастливого предзнаменования.

Таким образом, не суры Корана, а древние домусульманские поверья, языческая ворожба вдохновили поэтический замысел Низами, а вслед за ним и верного его последователя и почитателя⁸, богослова и поэта Абдаррахмана Джами, в котором на этот раз поэт победил богослова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бертельс Е. Э. Навои и Джами. М., 1965, с. 260.
2. Джами Абдаррахман. Фатихат аш-шабаб. Критический текст и предисловие Афсахзода А. М., 1978.
3. Джами. Избранные произведения. 2-е изд. Л., 1978, с. 125, № 183.
4. Турецко-русский словарь. М., 1977, с. 318.
5. Der Koran. Übersetzung von Paret R. Stuttgart, I, 1962; II, 1971. Kommentar und Konkordanz.
6. Тарджоме-йе Гор'ан-е мӯзе-йе Парс аз мотарджмеи нашенас ба кӯшеш-е д-р 'Али Ревайӣ. Техран, 2535 (=1977), с. 220.
7. Supplement aux dictionnaires arabes par Dozy R. V.I. Leiden, 1881, p. 165.
8. Freytag G. W. Lexicon arabico-latinum. Halle, 1830.
9. Низамӣ. Хафт пайкар. Изд. В. Дастгардӣ. Техран, 1315 (=1936), с. 17, бейты 8—11.
10. Джамӣ. Нафахат ал-'онс фи ҳадарат ал-'одс. Изд. М. Тоухидӣ. Техран, 1336 (=1957), с. 608 и сл.

⁷ Cantus vel modus cantis qui apud Persas *دوبیتی* appellatur [см. 8 под словом

1. *شأنات*

⁸ Ср. восторженную оценку Низами, данную Джами в его «Энциклопедии суфийских шейхов» [10].